

ЗНАНИЕ-СИЛА®

«Knowledge itself is power» (F. Bacon)

3/2024

6+

Язык[и]: модели для сборки

عقبة بن كعب بن مالك

3 / 2024 В НОМЕРЕ

4 ГЛАВНАЯ ТЕМА

Язык[и]: модели для сборки

На Земле существует порядка семи тысяч. А сколько вымерших? А сколько искусственных, выдуманных, запроектированных?... А ведь языки не только исчезают – формируются и новые...

6 Александр Марков Язык в поисках понятия о себе

14 Александр Чанцев Японский — простой язык

18 Ольга Балла Язык сделай сам

Искусственные языки в истории человечества.

29 История искусственных языков: некоторые эпизоды

32 Игорь Сид Океанская рыба, заплывшая в реку

Беседа с Игорем Сидом о проекте «Словарь культуры XXI века».

42 НОВОСТИ НАУКИ

46 КОСМОС: РАЗГОВОРЫ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Новости из жизни
экзопланет

51 НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ НАУКИ

Игорь Ткачев
Современная
космология – точная
наука

Разговор с академиком РАН Игорем Ткачевым о вкладе отечественных ученых в фундамент и развитие современной космологии.

59 РАЗМЫШЛЕНИЯ К ИНФОРМАЦИИ

Борис Жуков
Катастрофа порционно
и в рассрочку

60 ЖИЗНЬ НАУЧНЫХ ИДЕЙ

Борис Жуков
Расовая теория: цвет
кожи и свет разума

Когда и как сформировалась теория «научного расизма», одна из идей, чрезвычайно модных как в науке, так и в широких кругах образованного общества Европы и Америки в XIX – начале XX века.

70 КАМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ

На берегах
Туркестанского океана

3 / 2024

В НОМЕРЕ

72 300 ЛЕТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Елена Светикова
**Журналы Академии
наук**

В 1728 году вышел в свет первый российский научный журнал – «Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae» («Комментарии Петербургской Императорской Академии наук»).

75 ВО ВСЕМ МИРЕ

77 ЧИТАЯ И ВЧИТЫВАЯСЬ

Анна Кречетова
Юрий Олеша
о «чувствах добрых» –
и не очень

83 СОЗДАНО В РОССИИ

85 ЖИЗНЬ И СУДЬБА В ИСТОРИИ

Александр Волков
По следам Америго
Веспуччи

Америго Веспуччи – единственный человек, чье имя носит два континента. В честь него получили свои названия и Северная, и Южная Америка. Известный путешественник и навигатор, большую часть жизни проведший вдали от морей, занимаясь коммерческими делами, и лишь на склоне лет пустившийся в плаванья.

93 ПОНЕМНОГУ О МНОГОМ

94 В ГЛУБЬ ВРЕМЕН

Александр Голяндин
Иерусалим 2000 лет
назад

Иерусалим две тысячи лет назад был для иудеев местом всеобщего паломничества. Это был главный город страны, оплот и святыня еврейского народа.

103 БУКВА, СОТВОРИВШАЯ МИР

Татьяна Соловьева
Как это написать
по-угаритски?

110 ЛАВКА ДРЕВНОСТЕЙ

113 РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

Василий Климов
Красавица сойка

116 СТРАНА ФАНТАЗИЯ

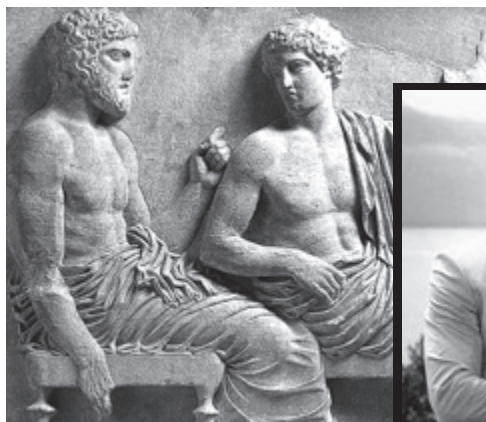
Андрей Анисимов
Феникс

125 ПУТЕШЕСТВИЯ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

Язык[и]: модели для сборки

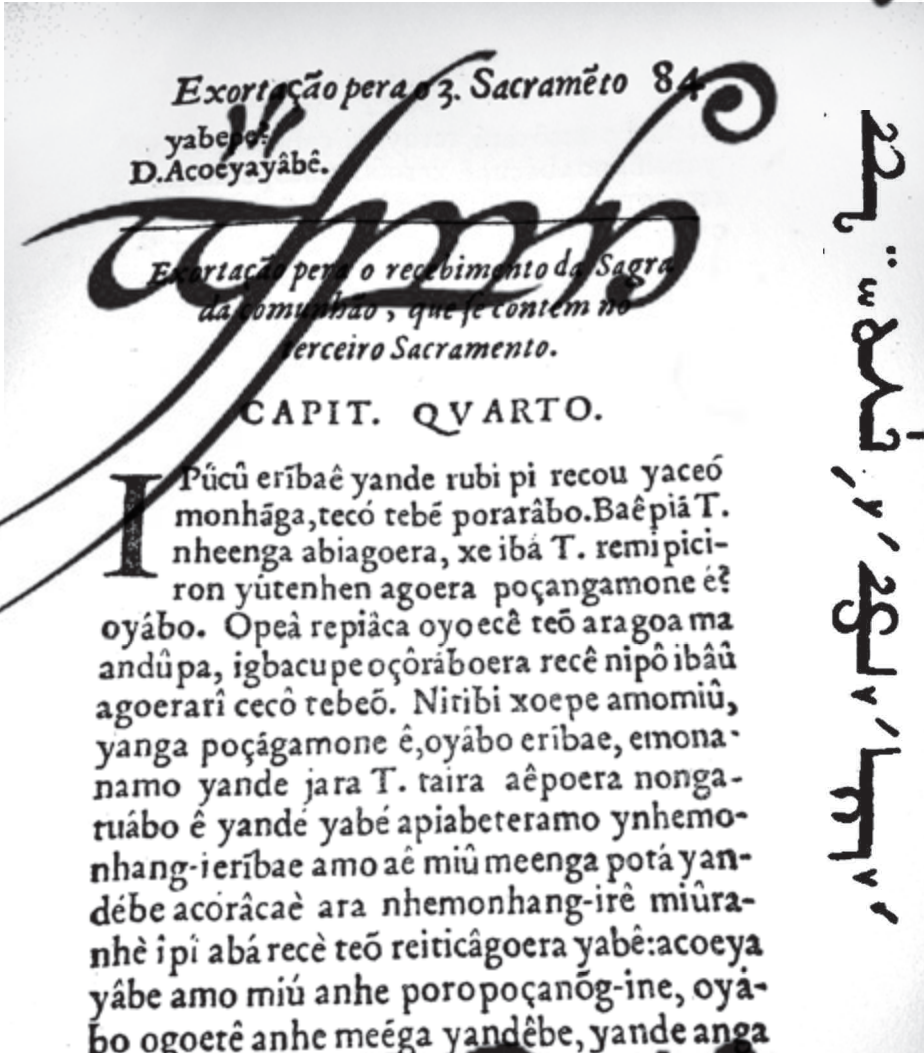
«Языки мира» – тема практически необъятная (ну, подумаешь, их на Земле всего-то порядка семи тысяч... а вымерших сколько? а сколько искусственных, выдуманных, запроектированных?... а совсем недавно в Турции при раскопках нашли глиняные таблички с клинописными текстами на неизвестном до сих пор индоевропейском языке – ему и названия еще не подобрали, – и наверняка это не последнее открытие. А ведь языки не только исчезают – формируются и новые, притом не только усилиями лингвоконструкторов, но и сами по себе...). Словом, стремиться объять ее на ограниченном пространстве главной темы номера было бы большой самонадеянностью. Поэтому мы решили подойти к этой огромной теме с нескольких разных сторон, включая неожиданные.

Для пущей парадоксальности доктор философских наук Александр Марков, философ, литературовед, искусствовед, историк и теоретик культуры, переводчик, арт-куратор, обратит читательское внимание на то, что само понятие «языка» не самоочевидно и складывалось исторически довольно долго (это, между прочим, значит и то, что понятие, имеющееся в наших головах, – тоже не окончательное). Далее, кандидат филологических наук Александр Чанцев – литературовед-японист, критик, прозаик, эссеист-культуролог – развеет наши иллюзии о том, что японский, который он знает очень хорошо, – (труднопостижимо для европейца) сложен, и вообще расскажет о том, как этот язык устроен. Сочтя разговор об одних только существующих языках слишком узким, Ольга Балла в своей статье рассмотрит, какие бывают языки искусственные, для чего они придумываются и есть ли у них будущее.

Она же расспросит писателя, поэта, путешественника, антрополога Игоря Сидя о новейших словах, порождаемых новыми явлениями жизни в разных языках мира, и о собирающем такие слова проекте «Словаря культуры XXI века», первый том которого уже вышел, а остальные еще впереди.

А поскольку не все задуманные нами материалы уместились в этот и без того уже разросшийся разговор – мы продолжим исчерпывать нашу неисчерпаемую тему в следующих номерах журнала.

Exortação para o 3. Sacramento 84
 yabepe:
 D.Acoeyayâbê.

Exortação para o recebimento da Sagrada Comunhão, que se contém no terceiro Sacramento.

CAPIT. QVARTO.

I Púcû eribaê yande rubi pi recou yaceô monhâga, tecó tebé porarábo. Baêpiã T. nheenga abiagoera, xe ibã T. remipiciron yútenhen agoera poçangamone ê? oyábo. Opeã repiãca oyoecê teô aragoa ma andûpa, igbacupe oçôráboera recê nipô ibâû agoerari cecô tebeô. Niribi xoepe amomiû, yanga poçágamone ê, oyábo eribae, emona-namo yande jara T. taira aêpoera nongaruábo ê yandé yabé apiabeteramo ynhemonhang-ieribae amo aê miû meenga potá yandébe acórâcaè ara nhemonhang-irê miûra-nhè ipi abá recê teô reiticâgoera yabê:acoeya yábe amo miú anhe poropoçanôg-ine, oyábo ogoetê anhe meêga yandébe, yande anga poçangamo ceyâ igbacupe oyebi yanonê, yandébe.

Handwritten vertical text in a native script, possibly Tupac Katukina, located on the right margin of the scanned page.

2918

ЯЗЫК

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Александр Марков

В ПОИСКАХ ПОНЯТИЯ О СЕБЕ

Изучать язык?

Самое поразительное в разговорах о языке — то, что само понятие «язык» в современном смысле утверждается в науке и в повседневной речи весьма поздно. Можно спорить о начальной точке, когда любой язык стал пониматься как система, на которую можно смотреть извне, — это универсальная Грамматика Пор-Рояля, вышедшая во Франции в 1660 году, или педагогика времен Великой

Французской революции, когда иностранные языки пришлось преподавать людям, не обладавшим классической ученостью? Или, может быть, раньше, когда Франческо Петрарка обрушивался на «грамматиков», что они выдают метод за цель, тогда как благородство человека — в свободном распоряжении речью, телом и душой? В любом случае, между старым пониманием языка как просто речевой способности и новым его пониманием как независимой системы, «те-

ла» — настоящая пропасть. Одно дело — пользоваться языком, а другое дело — принимать его как свое или чужое тело.

В Средние века никто просто не понял бы выражения «изучать иностранные языки». Было бы ясным высказывание «Мое родное наречие такое-то, а еще я изучил латинскую грамматику». С одной стороны, признавался язык как орган речи и, метафорически, языковая способность. По-латыни это можно было называть *sermo* — беседа, умение разговаривать, — например, про попугаев говорилось, что они воспроизводят *sermo* человека. Были также слова *locutio*, то есть умение говорить устно, речь как физическая способность, или *uidioma*, родной язык как отличающийся от других языков — именно так, с «у» в начале для большего «греческого» звучания писали это сло-

Франческо Петрарка

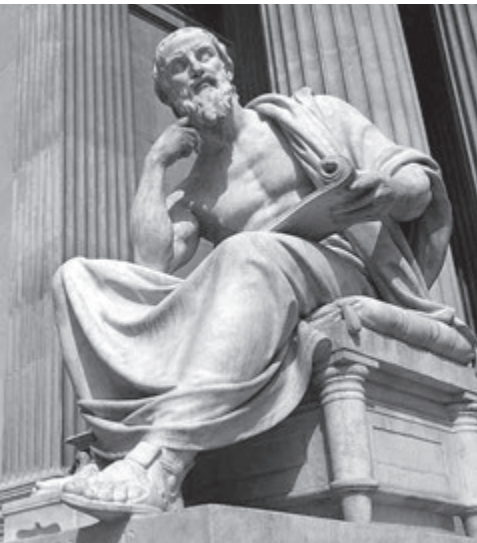

Данте Алигьери

во в средние века, а Данте Алигьери сделал его термином для обозначения местного языка¹.

¹ Некоторые примеры взяты из статьи: Кас-сен Б. и др. Язык и речь / пер. с фр. А. В. Маркова // Европейский словарь философии: лексикон непереводимостей. Т. 3 (2020). С. 30–41.

Слово *lingua* для обозначения органа речи легло в основу не только метафоры, но и метонимии, как во французском обороте «злой язык»: «Ах, злые языки страшнее пистолета». Понятно, что злоязычный человек вообще зол — французская привычка сближать человека с его речью,

Геродот

судить о человеке по тому, что и как он сказал, передалась и в этой строке Грибоедова — и мы уже не воспринимаем ее как копирующую французский синтаксис и семантику, воспринимаем как исконно русскую. Язык опять показывает свою органичность, как будто он был здесь всегда.

С другой стороны, в те же Средние века существовало понятие о «грамматике» или «литературе» в смысле правильного, нормированного латинского языка, который и давал доступ к учености. В слове *litterae* не различаются собственно «грамматика», тексты и знания — все это предмет школьного изучения, а не естественной способности. Изучить слова, правила, тексты и научные знания — это часть одной «эрудиции», в смысле выхода из начального «грубого» (*rudus*) состояния и перехода к благородным ценностям. Но почему при этом для Петрарки знатоки грамматики не были благородными людьми? Почему философы Нового времени рассматривали такой ученый язык, скорее, как условность, которую приходится принимать, но которая не обеспечивает производство истины?

Оговорка не по Фрейд

Еще у Геродота (ок. 484—425 до н. э.), который много интересовался, почему

разные народы мира говорят на непонятных друг другу языках, есть замечательное выражение $\gamma\lambda\omega\sigma\sigma\alpha\nu\ \nu\omicron\mu\iota\zeta\epsilon\upsilon\nu$ — буквально, давать язык в надел, в значении «быть носителем родного языка, говорить на своем родном языке». Языковая способность достается человеку так же, как умение хозяйничать, строительство домов или обычаи военного дела. Это «удел», «надел», а вовсе не система — как одним народам досталось море, а другим — суша, так и одним достался один язык, а другим — другой. Изучение языка в таком случае неотделимо от изучения обычая.

Казалось бы, это похоже на нынешние расхожие представления о связи языка и культуры, лежащие в основе разных форм национализма. Но есть одно существенное «но»: надел должен давать плод. Что толку правильно использовать море, если рыба не попадает в сети? И зачем пахать, если ничего не вырастет? Обладание языком должно оказаться столь же *продуктивно*, сколь и владение хозяйством.

Об этом говорит отрывок из античного писателя совсем другой эпохи, Лукиана Самосатского (ок. 120 — после 180). Он был сирийцем, греческий язык выучил как язык литературы и риторики и достиг во владении им блеска. Но иногда он допускал ошибки и вместо положенного утром официального приветствия «Радуйся» произнес «Доброго здоровья». Извиняясь за эту ошибку, Лукиан рассмотрел интимный смысл слов: пожелать радости можно и при последней встрече, и поэтому в этом слове есть оттенок легкой грусти, тогда как забота о здоровье — залог великих свершений. Лукиан как бы показывает изнанку² освоенного им греческого языка, который должен был звучать как родной. Он осваивает его не как «грамматику», а как второй родной язык, более подлинный. Но именно

² «Изнанка — частная субъективность, идентичность. Она формирует идентичность через остаток от вычитания из внешних требований собственных представлений» (*Штайн О. А.* По ту сторону лицевой и изнаночной // Вестник РХГА, 2012, 12:3. С. 256).

Лукиан Самосатский

поэтому он не сразу показывает его нарядность, а сначала ощупывает изнанку — только тогда его можно надеть ровно.

В завершение своего рассуждения Лукиан говорит, что однажды оправданный император Августом человек, громко выражая благодарность, закричал: «Благодарю тебя, Государь, что судишь лицеприятно и несправедливо!». Приближенные хотели разорвать помилowanego на части за такую дерзость, а мы бы сейчас заподозрили какую-то оговорку по Фрейд. Но система Фрейда возможна как раз там, где признается автономия языка как тела, внутри которого и можно отметить *невротическую нехватку*. А император мыслил язык как телесную способность и понял, что оправданный им не мог считать его несправедливым. Он увидел в поведении человека просто оплошность, наподобие того, как человек может споткнуться, направляясь к престолу.

Итак, языковая способность допускает возможность «споткнуться», оговориться, ошибиться. Так прекрасно, когда Лукиан, самый остроумный из всех античных обличителей суеверий, в любом своем сочинении находит подноготную разных социальных

явлений. Но если нам нужно создать философскую систему, где мы ошибаться не сможем? Так возникают идеи искусственного языка.

Искусство обрабатывать надел

Проектов искусственного языка в западной цивилизации было немало, им посвящена другая статья номера. Один из самых известных — логическая машина Раймонда Луллия (1235—1315), каталонского миссионера («бородатого философа»), поэта и богослова. Местная стихотворная похвала ему понятна и без перевода (все же читатели смогут перевести, если знают латинское *sapiens!*):

*Tres sabios hubo en el mundo,
Adán, Salomón y Raymundo.*

Луллий считал, что можно создать машину, которая будет производить только истинные высказывания, комбинируя правильные до совершенства богословские и философские понятия. Поэтому нельзя сказать, что

Раймонд Луллий

это в полном смысле искусственный язык. Это искусственная речь, языковая способность, которая работа-

Логическая машина Раймонда Луллия

ет без сбоев, благодаря органическому ее укоренению в физических, даже физиологических моментах общения. Понятия соотносятся так же, как биологические предметы: оказываются в родстве, порождают новое, дают возможность родственникам сказать что-то важное. Очень хорошо это выразил Анри Волохонский (1936—2017) в поэме «Фома»:

*Все круглое сродни рассудку
Ось силлогизму служат тестем
Золовка ей родная тулкая
А вывод — как всеобщий крестник
Ободьям в чуждеальном свойстве
С чекою верной неразлучен
Ум — заключительной повозки
Сам перводвигатель и кучер —
Глядит на нас навеселе
Семь раз вода на киселе.*

*Кто аналогу усвоил
Тому крещение нетрудно
Сказал себе Раймундус Лоллий
И заказал в Марселе судно*

*Дабы не слышать воплей близких
Раймунд на волны смотрит грозно
С ним концентрические диски
И свежееплитая бронза*

Это, действительно, медный язык в смысле речевого органа, которым

движет мышца или механизм ума. Стоит привести в движение мудрый ум, как и вся органика придет в действие: родственные слова заведут правильное хозяйство, крылатые слова полетят к далеким берегам, и миссия будет выполнена. Конечно, проект Луллия осуществить было невозможно: слишком к разным способам хозяйствования привыкли жители разных областей Средиземноморья. Но этот пример подтверждает, что когда мы слышим «искусственный язык», мы не должны сразу предполагать систему, но сначала — физику или даже биологию тесного общения, родства и счастливого надела.

Гумбольдт как производитель

Вильгельм фон Гумбольдт (1767—1835), создатель самой знаменитой философии языка, действительно, понимает язык как автономную систему. Язык у него и неживой, и живой, и косный, и развивающийся, и правильный, и творческий. Обычно, когда читают Гумбольдта, начинают путаться: а в чем же он видит сущность языка?

Приведу одну цитату: «Язык столь же объект и столь же самостоятелен,

Вильгельм
фон Гумбольдт

сколь он же — субъект и сколь же — зависим (*Die Sprache ist gerade insofern Object und selbständig, als sie Subject und abhängig ist*)³. Здесь надо пояснить, что слово «объект» во времена Гумбольдта означало не столько объект рассмотрения (он был бы назван тогда скорее «субъектом»), сколько некоторую проблему, вызов, препятствие. То есть это то, что существует независимо от нас, *создает для нас проблему*, в чем-то нам мешает, а вовсе не продолжает просто наше тело.

Мы привыкли связывать с понятием «субъекта» самостоятельность, автономию, а с понятием «объекта» — несамостоятельность, встроенность в систему. Поэтому нам трудно понять слова Гумбольдта. Но он имел в виду другое: то, что язык оказывается субъектом различных отношений, например, мыслей, чувств, правовых установок, он отражает их сразу же, как выражает. Однако вдруг оказывается, что сама возможность для языка что-то отразить, что-то выразить, поставить нашу мысль, как ставят спектакль, — это объектность. Мы оказываемся перед языком как перед спектаклем, именно поэтому мы не можем свести его к нашей речевой способности.

Гумбольдт отстаивает автономию языка для того, чтобы не превратить его в проезжий двор для множества

наук, каждая из которых стала еще отстаивать свое организационное достоинство. Конечно, множество наук, далеких от классического списка, было и в эпоху барокко, от геральдики и камералистики (искусства придворного поведения) до кофеведения: сколько было диковин, столько было наук. Но в XIX веке создание лабораторий, находящихся за городом, развитие химии как самостоятельной области привело к тому, что понимание языка как просто способности потребовало бы отбросить его как негодную органику в сравнении со скоростью химических реакций. Это был слишком тесный надел для записи формул.

Поэтому Гумбольдт и настаивает на том, что язык — не надел, а особая организация производства, намного превышающая организацию любой лаборатории. Такими лабораториями в ту эпоху становилось все — что такое ужасы Гофмана, как не реакция на метаморфозы материи? Гофманиана — поиск потаенного, задуманного в природе, но не числимого в языке. Гумбольдт выступает как смелый покоритель и индустриализатор языка. Но и Гёте, когда сетовал в «Поэзии и правде», что письмо

Иоганн
Вольфганг
Гёте

злоупотребляет языком, как и чтение про себя подменяет речь⁴, имел в виду

³ Von Humboldt W. Werke in fünf Bänden, Bd. III, Schriften zur Sprachphilosophie. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1979. S. 226.

⁴ Schreiben ist ein Mißbrauch der Sprache, stille für sich lesen ein trauriges Surrogat der Rede — Goethe's Werke. Bd. 25. Stuttgart und Tübingen: Gotta, 1830. S. 370.

язык не столько как систему, потому что системе письмо не мешает, сколько язык как предприятие, *предпринятое*, поступок-поступание, в сравнении с которым письмо — это что-то слишком частное.

Дальше Гумбольдт пишет, чтобы его мысли не зачили как оправдание национализма и его языковых успехов, что у языка нет нигде «постоянного места» (*eine bleibende Stätte*) — как это уже далеко от «надела» по Геродоту. Язык постоянно производится мыслью, и «в актах этого производства и заложено превращение его в объект». Такое невероятное производство очень индивидуализировано, однако этот индивид — современный промышленник. Язык, говорит Гумбольдт, несет на себе полное влияние индивида, но того индивида, который действовал в прошлом в языке, который разработал этот язык, как разрабатывают мускулы или раскручивают маховик. Такому индивиду передан опыт предков благодаря смелому производству, созданию языка как настоящего предприятия, где всегда известно не только, что на каком станке делается, но и что как починить, чтобы предприятие не останавливалось.

Открытое дарение языка

Мартин Хайдеггер посвящает § 34 своей книги «Бытие и время» (1927) отношению между Присутствием (*Dasein*) и Языком. Язык, как и у Гумбольдта, оказывается объектом, постоянным препятствием. Но смысл возникает у Хайдеггера не благодаря производству, а только благодаря артикуляции, членораздельности, тому самому знанию, что и как чинить на заводе. У Хайдеггера речь как будто уже содержит все условия починки наших представлений, потому что она освобождает нас от нас, показывает, как мы разомкнуты для решений. Мы уже представлены не своему частному наделу, а всемирным экзистенциальным ситуациям, где мы и должны принять решения. Речь — это поступок, который означает, что решение уже принято.

Приведем большую цитату: «*Речь экзистенциально равносходна с расположением и пониманием*. Понятность и до усваивающего толкования всегда уже членораздельна. Речь есть артикуляция понятности. Она уже лежит поэтому в основании толкования и высказывания. Артикулируемое в толковании, исходное стало быть уже в речи, мы назвали смыслом. Членораздельное в речевой артикуляции как таковой мы назовем целым значений. Оно может быть разложено на значения. Значения как артикулированное артикулируемого всегда осмысленны. Если речь, артикуляция понятности **вот**, есть исходный экзистенциал разомкнутости, а та первично конституируется через бытие-в-мире, речь тоже должна иметь по своей сути специфически *мирный* способ бытия. Расположенная понятность бытия-в-мире *выговаривает себя как речь*. Значимое целое понятности *берет слово*. К значениям прирастают слова. Но не слововещи снабжаются значениями»⁵.

Эта цитата кажется сложной, как и весь трактат Хайдеггера, но давайте все распутаем. Согласно Хайдеггеру, древние греки правильно пользовались речью — для них мыслить означало спорить, они все время поступали, они принимали решения, в которые сами оказывались вовлечены — например, спасти друга от гибели в битве, или, что то же самое, обессмертить друга словом. Греки жили в общественном языке и общественном разговоре. Вот у них как раз и была та самая «расположенная понятность», пусть даже только на уровне общественных благородных решений. В ней брало слово *значимое целое понятности* — то есть обожествление друга, героя, подвижника, общественного деятеля, который и оказывается избранником и любимцем богов благодаря слову.

Артикуляция — это перебор всего того, что нужно сказать. Примерно так, как мы перебираем, что взять с собой в дорогу необходимо, чтобы и выжить,

⁵ Хайдеггер М. Бытие и время. / пер. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. С. 187.

Мартин
Хайдеггер

и оказаться полезным другом⁶. Это голос, тот самый, который позволяет выживать уже не отдельному человеку, а всему человечеству, позволяет человеку в человеке не стать «объектом», трудностью. Напротив, это человеческое, артикулируя понятность, членораздельность, и позволяет принять все благородство друга.

Как развил мысль Хайдеггера его лучший толкователь во Франции Франсуа Федье в книге «Голос друга»: «Этот голос в сущности дает мне понять, что мне не хватает чего-то, чтобы быть тем, чем я должен был бы быть. И дает он мне это понять, приходя от того, кому также не хватает какой-то части бытия: о ней-то — и сам, быть может, того не зная, — он и просит меня. Просит как о неожиданном подарке, при том что у меня самого ничего такого как будто в помине нет»⁷. Подарить то, чего у тебя нет, — это и есть артикуляция в речи,

⁶ Ср. пронизательное истолкование стихотворения А. А. Ахматовой «Мелхоло» как такого перебора чужой речи ради просто жизни как таковой, артикулирующего сон: Стихотворение Ахматовой оказывается мимесисом самой любовной иллюзии как поэтического сна: то, что происходит с Мелхолой, никак не совпадает с ее установкой и способом рассказа о происходящем, но материализуется в ее речи, как будто выступающей медиумом песни Давида. — *Файбышенко В. Ю.* Власть слов: теология политическая и теология поэтическая в анализе одного сюжетного паттерна // *Артикульт.* 2018. 31:3. С. 116.

⁷ *Федье Ф.* Голос друга. / пер. О. А. Седаковой. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2010. С. 5.

в которой вдруг язык заявляет о себе как лучший дар, которого хватит сразу на нескольких друзей и на дружбу с самым человеческим.

Удел свободы

Понимание языка как системы сопровождалось рядом опасностей, и не только той опасностью, что химическая лаборатория взорвется. Была и опасность слишком быстрого принятия риторики в язык. Например, ораторы времен Французской революции употребляли выражения из лексикона Цицерона, подразумевающие дружбу с чем-то неодушевленным: «друг народа», «друг труда» (трудолюбивый), «друг истины». Соответственно, образовались и «враг народа», «враг труда» («плешивый щеголь, враг труда»), «враг истины». В философии Цицерона такая дружба была просто способом сделать мир публичнее, придать ему большую открытость. Тогда как представление о языке как о целостной замкнутой системе, назначающей друзей и врагов, имело самые нежелательные последствия. По сути, вся французская деконструкция — это борьба против таких ложных наделов языка за истинные наделы речи.

Сейчас мы все изучаем языки, чтобы сделать нашу жизнь немного более открытой. Но в какой момент язык превращается в удел свободы? Вероятно, когда вдруг оказывается, что мы не просто о чем-то сообщаем с помощью речи. Сама речь оказывается сообщительной, не давая языку стать ни слишком субъективным, ни слишком объективным в смысле Гумбольдта. Это уже не риторическое обращение с речью. Это, скорее, опыт начального потрясения — озарений (*illuminations*), как сказал бы Артур Рембо, или эпифаний, как сказал бы Джеймс Джойс. Мы вдруг видим, что самое ценное раскрыто, что оно уже перед нами, и друг подскажет, как все починить.

*Марков Александр Викторович,
философ, историк, культуролог,
доктор филологических наук,*